

Н
371
Нац

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ
✧ ✧ ✧ ✧ ПЕРЕДЪ СУДОМЪ
СОЦІАЛЬ ДЕМОКРАТОВЪ

ПЕРЕВОДЪ И ВЪПУЩЕНІЯ СЪ
Д-РА Д. ПАСМАНИКА

ЦѢНА 12 КОП.

КНИГО-
ИЗДАТЕЛЬСТВО

«КЛДНМА»
ОДЕССА

И. С. С. С. С.

Издательство

112

НАЦІОНАЛЬНИЙ ВОПРОСЪ

предъ судомъ соціалъ-демократовъ

Мнѣнія по національному вопросу.

Пернерсторфера, Вальяна, Бебеля, Каутскаго,
Ферри, Г. Плеханова (Бельтова).

Переводъ и вступительная статья

Д-ра Д. ПАСМАНИКА.

Книгоиздательство „КАДИМА“.

ОДЕССА.

1906.

но отличается отъ пролетарскаго интернаціонализма, который желаетъ привести національности, какъ и индивидовъ, къ общимъ, согласованнымъ дѣйствіямъ, который, согласно этому идеалу, уже отнынѣ объединяетъ все пролетарскія организациі различныхъ націй для общаго дѣла.

Принимаемъ ли мы во вниманіе конечную цѣль коллективизма, или освободительное движеніе, или же обѣ вещи одновременно — отечество и индивидуумъ не составляютъ болѣе центра, вокругъ котораго движется наша мысль и наша политическая и социальная дѣятельность. Осуществленіе коллективизма должно будетъ, очевидно, дать массѣ индивидуумовъ большую свободу, сдѣлать различныя націи болѣе богатыми и болѣе обезпеченными, чѣмъ это дѣлала какая либо общественная организација до сихъ поръ... Но индивидуумъ, какъ и нація должны всегда быть подчинены освободительной борьбѣ интернаціональнаго пролетаріата и когда ихъ частные интересы сталкиваются съ требованіями этой борьбы, — индивидуальный или національный интересъ, какъ всякій другой частный интересъ, напримѣръ интересъ корпораціи или профессіи — долженъ отойти на второй планъ.

Национализмъ съ капиталистической психологіей можетъ заявить: *right or wrong, my contry* — права ли моя родина, или нѣтъ, но я за нее; коллективистъ долженъ имѣть достаточно ума и чувства, чтобы даже тамъ, гдѣ интересъ его націи противорѣчитъ освобожденію пролетаріата, понять это и дѣйствовать согласно съ этимъ пониманіемъ. Вотъ чѣмъ можно объяснить враждебное отношеніе Маркса и Энгельса къ національнымъ стремленіямъ славянъ Австріи (за исключеніемъ поляковъ) и Турціи, пока они предполагали, что ими воспользуется самый страшный врагъ освобожденія пролетаріата — абсолютизмъ; такъ же точно надо объяснить ихъ рѣшеніе, — какъ и рѣшеніе всей германской социалдемократіи — противиться націонализму ихъ собственнаго народа во время франко-прусской войны, полезной только Гогенцоллернамъ и вредной для демократіи Германіи и Франціи.

Вотъ нѣсколько словъ на счетъ перваго вопроса, объ отношеніяхъ между отечествомъ и интернаціонализмомъ.

Георгій Плехановъ.

. Нѣкоторые считаютъ, что въ извѣстномъ пассажѣ манифеста гораздо меньше выражается истинное мнѣніе Маркса и Энгельса объ отношеніяхъ между коллективизмомъ и патриотизмомъ, чѣмъ ихъ возмущеніе по поводу тяжелой доли рабочихъ въ капиталистическомъ обществѣ. Такъ, напримѣръ, Жюресъ, въ своей дискуссіи съ Эрве, считаетъ его (мнѣніе, выраженное Марксомъ и Энгельсомъ въ цитированномъ мѣстѣ ихъ манифеста) «пессимистической фразой (*boullade*), объясняющейся отчасти — замѣтьте хорошенько, отчасти

— моментомъ, когда Марксъ и Энгельсъ писали и когда экономическій кризисъ былъ въ своемъ апогеѣ, а рабочіе были лишены самыхъ элементарныхъ правъ человѣка». Таково приблизительно и мнѣніе Бернштейна. Для него интересующій насъ «тезисъ» можетъ быть оправданъ тѣмъ, что когда Марксъ и Энгельсъ писали свой знаменитый манифестъ «рабочіе были повсюду лишены свободы слова, т. е. всякаго права участвовать въ управленіи».

И не согласенъ ни съ Жоресомъ, ни съ Бернштейномъ. Если бы они были правы, это значило бы, что теперь, когда во всѣхъ странахъ съ развитымъ капитализмомъ пролетаріатъ пользуется уже большую часть тѣхъ политическихъ правъ, которыхъ онъ не имѣлъ наканунѣ революціоннаго движенія 1848 года... — предѣлы коллективистскаго интернаціонализма сѣзузились въ пользу патриотизма. Но это означало бы, что *интернаціонализмъ долженъ тѣмъ болѣе уменьшаться, чѣмъ болѣе выступаетъ наружу успѣхъ интернаціональной рабочей партіи.*

Мнѣ кажется, что вѣрно обратное, что интернаціонализмъ гораздо болѣе проникъ теперь въ сердца рабочихъ чѣмъ въ эпоху появленія манифеста Маркса и Энгельса. Ихъ тезисъ нуждается не въ оправданіи, а въ правильномъ истолкованіи.

Слова: «рабочіе не имѣютъ отечества» были написаны въ отвѣтъ буржуазнымъ идеологамъ, обвинявшимъ коммунистовъ въ желаніи «уничтожить отечество». Понятно, что для авторовъ манифеста рѣчь шла объ *отечествѣ*, понятіи въ совершенно опредѣленномъ смыслѣ, а именно, въ смыслѣ данномъ ему буржуазными идеологами.

Манифестъ заявляетъ, что рабочіе не имѣютъ *подобнаго отечства.*

Это было вѣрно тогда; это остается вѣрнымъ и теперь, когда рабочіе передовыхъ странъ пользуются болѣе или менѣе широкими политическими правами, и останется вѣрнымъ и для будущаго времени, какъ бы ни были велики будущія политическія завоеванія рабочаго класса.

Припомните слова Жореса, произнесенныя имъ въ залѣ Элизе Монмартръ относительно патриотизма этого счастливаго будущаго, когда коммунизмъ восторжествуетъ. Тогда «отечество» будетъ продолжать жить, какъ скопленіе оригинальныхъ гениевъ, какъ представительница оригинальныхъ чертъ, присущихъ различнымъ народамъ. «Подобно тому какъ индивидуальности съ ихъ характерными чертами, съ ихъ разнообразіемъ не растворяются въ коллективистской организаціи, но будутъ продолжать и укрѣплять въ ней оригинальность своей природы подъ болѣе гармоничными формами, точно такъ же историческія индивидуальности, называемыя отечествами: англійское, французское, германское, итальянское, русское отечество, а завтра китайское отечество, когда желтое человѣчество освободится отъ

опекунства бѣлыхъ — всѣ эти отечества съ ихъ моральной индивидуальностью, созданной исторіей, съ ихъ языкомъ, литературой, жизненнымъ чутьемъ, съ ихъ воспоминаніями, съ присущей имъ формой надеждъ, съ присущимъ имъ видомъ ихъ страстей, души, генія, — всѣ эти индивидуальности составятъ огромное коммунистическое человѣчество завтрашняго дня».

Можетъ быть, въ этой тирадѣ уожно было бы найти извѣстный недостатокъ логики: *индивидъ* — *біологическая категория*, *въ то время какъ національность* — *историческая категория*. Мимоходомъ будь сказано, эти два понятія — несоизмѣримы. Но вотъ что для меня важно: *отечество* будущаго, какъ намъ его обрисовалъ Жоресъ, не имѣетъ ничего общаго съ *отечествомъ*, о которомъ говорили буржуазные идеологи и которымъ отвѣчали Марксъ и Энгельсъ.

Многочисленныя и разноцвѣтныя *отечества* будущаго же суть не что иное для Жореса, какъ *національности*.

Если бы авторы коммунистическаго манифеста сказали, что рабочіе не имѣютъ національности, это было бы не крѣпкое слово, а смѣшная безмыслица. Но они говорили не о національностяхъ, а объ отечествѣ. При этомъ не объ отечествѣ въ счастливомъ будущемъ, а объ отечествѣ, какъ оно теперь существуетъ подъ гнетущимъ вліяніемъ капиталистической формы производства.

Это отечество представляетъ очень мало общихъ характерныхъ чертъ съ *отечествомъ*, о которомъ говорилъ Жоресъ со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ. Каковы эти характерные черты? Жоресъ ихъ самъ указалъ. По его мнѣнію, послѣ окончательной революціи отечества перестанутъ существовать, какъ силы недовѣрія, исключительности и взаимнаго притѣсненія. Онъ, слѣдовательно, самъ допускаетъ, что теперь, подъ капиталистическимъ режимомъ, отечества представляютъ не только выраженіе оригинальнаго генія различныхъ народовъ, но также — и въ особенности — выраженіе національной исключительности, взаимнаго недовѣрія между народами и угнетенія одного народа другимъ. Каково должно быть поведеніе сознательнаго пролетаріата по отношенію къ этому *буржуазному отечеству*? Манифестъ заявляетъ, что такой пролетаріатъ не имѣетъ такого отечества. Развѣ это невѣрно?

Этотъ отвѣтъ не только не есть простой крикъ пессимизма, не только не нуждается въ оправданіи, но долженъ быть положенъ въ основу интернаціональной политики коллективистическаго пролетаріата...

Жоресъ продолжаетъ: «Вотъ отвѣтъ тѣмъ, которые говорятъ рабочему классу, что онъ можетъ не интересоваться дѣлами отечества и всей національной традиціи». Снова удивленіе! Марксъ и Энгельсъ никогда не говорили рабочимъ, что они могутъ не интересоваться дѣлами отечества. Но интересоваться ими не означаетъ еще что нужно быть патриотомъ. Политическое могущество, классовая дикта-

тура, безъ всякаго сомнѣнія,—вещи, имѣющія отношеніе къ «отечеству», а между тѣмъ Марксъ и Энгельсъ всегда указывали рабочимъ на необходимость ихъ завоеваній.

Жоресъ ошибается думая, что отрицательное отношеніе къ идеѣ отечества связано съ индифферентностью къ моральнымъ и интеллектуальнымъ пріобрѣтеніямъ народа...

Несмотря на все его краснорѣчіе, Жоресу удалось сдѣлать свой тезисъ нѣсколько вѣроятнымъ только потому, что онъ вмѣсто отечества, какъ оно *есть*, подставилъ отечество, какъ оно, по его мнѣнію, *должно было бы быть* и какъ оно *будетъ*. Такимъ путемъ можно все доказать. Но это не есть разрѣшеніе вопроса. Я повторяю: отечество — *историческая категория*, т. е. развивающаяся въ своей сущности.

Какъ идея племени уступила мѣсто идеѣ отечества, сначала ограниченнаго предѣлами городской общины (cité), затѣмъ расширившейся до предѣловъ національностей настоящаго времени, точно также идея *отечества* должна уступить мѣсто болѣе обширной идеѣ — *человѣчества*. Та же сила, которая дала возможность патриотической идеѣ развиваться, намъ гарантируетъ и дальнѣйшую эволюцію: *«сила экономическаго развитія»*.

Идея отечества — я подразумеваю отечество, какъ оно есть —объединяетъ людей одной страны самыми тѣсными узами во всемъ, что касается интересовъ этой страны, поскольку они идутъ въ разрѣзъ съ интересами другихъ странъ. Герой одного изъ романовъ нашего Тургенева, болгаринъ Инсаровъ, говоритъ: Въ Болгаріи послѣдній мужикъ, послѣдній нищій и я, — мы желаемъ одного и того же; у всѣхъ —одна и та же цѣль»; эта цѣль — достиженіе національной независимости. Эта цѣль заслуживаетъ --- это очевидно, — всѣ симпатіи класса, борющагося за «эмансипацію всѣхъ воль». Но не надо терять изъ виду, что турецкіе патриоты съ ихъ стороны должны были не менѣе единодушно и забывая всѣ классовыя различія стремиться къ противоположной цѣли: къ поддержанію турецкаго владычества (suprématie) въ Болгаріи. Во время возстанія Крита въ 1897 году, младо-турки, издававшіе тогда органъ «Османліи», писали, что Критъ принадлежитъ Турціи по праву завоеванія. Это было въ его чистой и несофистичной формѣ — *патриотическое сужденіе*.

Эта манера мышленія возможна только при двухъ условіяхъ.

Она предполагаетъ, во-первыхъ, неразвитое состояніе борьбы классовъ, а во-вторыхъ, отсутствіе большого, бросающагося въ глаза сходства въ положеніи угнетенныхъ классовъ двухъ или нѣсколькихъ «сосѣднихъ» отечествъ. Гдѣ борьба классовъ принимаетъ острый характеръ, распатывая старыя, унаслѣдованныя отъ прежнихъ поколѣній понятія, и гдѣ, кромѣ того, угнетенный классъ легко можетъ убѣдиться въ томъ, что его интересы очень сходны съ инте-

рсами угнетеннаго класса чужихъ странъ и противоположны интересамъ господствующаго класса его собственной страны. тамъ идея *отечества* въ весьма значительной степени утрачиваетъ свое прежнее обаяніе. Это намъ показываетъ уже древняя Греція, гдѣ низшіе классы гражданъ чувствовали себя болѣе солидарными съ низшими классами гражданъ другихъ государствъ, чѣмъ съ высшими классами своего государства—города. Пелопонесская война, эта война между аристократіей и демократіей, охватившая большую часть тогдашняго греческаго міра, можетъ служить этому яркимъ подтвержденіемъ. Въ новое время нѣчто подобное видимъ мы, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ нѣкоторыхъ международныхъ столкновеніяхъ, вызванныхъ великой французской революціей конца XVIII вѣка. На эти явленія необходимо долженъ обратить вниманіе всякій кто хочетъ серьезно выяснитъ себѣ историческое значеніе патріотической идеи. Но какъ ни важны эти явленія, они представляются незначительными въ сравненіи съ тѣми, что мы видимъ въ современномъ освободительномъ движеніи пролетаріата.

Капитализмъ, который, по самому характеру своему долженъ стремиться выйти за предѣлы всякаго даннаго «отечества» и проникнуть въ каждую страну, захватываемую международнымъ обменомъ, служить могучимъ экономическимъ факторомъ, расшатывающимъ и разлагающимъ ту самую идею отечества, которая—въ своемъ новейшемъ видѣ—имъ же вызвана была нѣкогда къ жизни. Отношенія между эксплуататорами и эксплуатируемыми, — несмотря на многочисленныя и часто очень важныя мѣстные различія—по своему *существованію* одинаковы во всѣхъ капиталистическихъ странахъ. Поэтому, сознательный *пролетарій* всякой данной капиталистической страны чувствуетъ себя несравненно ближе къ пролетарію всякой другой капиталистической страны, чѣмъ къ своему соотечественнику—капиталисту.

....Чѣмъ шире дѣлается могучая рѣка современнаго рабочаго движенія, тѣмъ дальше отступаетъ психологія *патріотизма* передъ психологіей *интернационализма*. До тѣхъ поръ, пока классовая борьба еще не расшатала въ Греціи патріотизма городскихъ общинъ, аѳинскій гражданинъ видѣлъ въ гражданахъ Спарты чужестранцевъ, которыхъ можно было эксплуатировать такъ или иначе, —напримѣръ, путемъ торговли или временныхъ политическихъ союзовъ,—но интересы которыхъ не могли быть ему близкими и дорогими. Современный аѳинскій уроженецъ, стоящій на точкѣ зрѣнія *современнаго* патріотизма, смотритъ на Лакедемонъ, какъ на часть своего отечества, интересы котораго одинаково дороги ему *на всемъ его протяженіи*. Это значитъ, что современный греческій патріотъ уже чуждъ того рода «исключительности», который былъ свойствененъ патріотизму городскихъ общинъ. Но это совсѣмъ не значитъ, что онъ враждебенъ «вещамъ» своего роднаго города или хотя бы только равнодушенъ къ нимъ. Нѣтъ, его патріотизмъ вполне совмѣстимъ

съ самымъ ревностнымъ, самымъ неутомимымъ служеніемъ «вещамъ» своего родного города. Этотъ патриотизмъ не допускаетъ только эксплуатаціи въ пользу этого города другихъ частей того же отечества. Для такого человѣка *salus patriae—suprema lex*. Точно также и современный коллективистскій интернаціонализмъ вполне совмѣстимъ съ самой усердной, самой неутомимой работой на благо родной страны; но онъ совершенно не совмѣстимъ съ готовностью поддерживать родную страну тамъ, гдѣ ея интересы приходятъ въ противорѣчіе съ интересами современнаго международнаго движенія пролетаріата, т. е. прогресса...

Я прекрасно понимаю, что въ этихъ словахъ заключается лишь общая формула, не содержащая въ себѣ готоваго отвѣта для каждаго частнаго случая. Но, по прекрасному выраженію Маркса, наша теорія вовсе не есть *passé—partout*, избавляющій насъ отъ необходимости внимательно изучать отдѣльныя общественныя явленія.

